

Каждый из нас одинок и всем на всех на-
плевать, и наша боль — необитаемый остров.
Альбер Козн

Я смею все, что можно человеку. Кто смеет
больше, тот не человек.
В. Шекспир. Макбет¹

Кто уклоняется от игры, тот ее проигрывает.
Арман Жан дю Плесси (кардинал Ришелье)

¹ Перевод М. Лозинского.

Пролог

Началось все это 9 мая 2021 года.

Был день 76-летия Победы. Проснулся я по обыкновению рано и ждал парада.

Проснувшись, я начал вспоминать, как мы с дедом, бабушкой, отцом, матерью и братом тридцать шесть лет назад отмечали сорокалетний юбилей этого бессмертного праздника. Все были довольны и счастливы — особенно дед, который прошел всю войну,— наготовили много разной еды, взрослые пили алкогольные напитки, а нам с братом это было и не надо.

Начался парад, он был не такой, как в моем детстве, а намного грандиознее — новейшее вооружение, самолеты, вертолеты, «старый» — «новый» президент.

Пить я не собирался, но в подсознании сидела мысль, что этот день как-то нужно отметить — так принято.

Долго дома я усидеть не смог и побрел к своему другу Тимуру, который жил в пятнадцати минутах от меня. Подойдя к его дому, я постучал к нему в окно, так как он жил на первом этаже. У Тимура, в свою очередь, в голове тоже сидела мысль, что этот день нужно как-то отметить. И мы, недолго думая, пошли в магазин, который находился прямо в его доме. Купив немного выпить и закусить, мы удобно расположились на пятом этаже в его подъезде, прямо около заваренного мусоропровода.

Поговорили о войне, о Сталине, о Гитлере, о Путине, об оружии, о политике — в общем, время провели с пользой. Довольный, я пошел домой. Купил еще немного выпить или встретил кого-то по дороге, я уже не помню. А дальше все пошло по классике праздничного дня.

Но моей фатальной ошибкой было то, что я начал похмеляться десятого мая, а так как я человек зависимый от разного рода дурманящих сознание веществ, остановиться сам я уже не смог. Не остановили меня ни потеря ключей от квартиры, ни полное отсутствие денег, ни рваные вещи, ни стыд перед соседями, ни-че-го.

Ровно через месяц, девятого июня, ко мне приехали мать и водитель брата.

Понадеявшись на то, что они, как обычно, отвезут меня в хорошую наркологию, чтобы прокапаться, подлечить нервы и печень, восстановить сон, я поехал с ними, попросив только пивка в дорожку. Но в этот раз все пошло совсем не так.

Состояние мое было плачевным, и в тот момент я был готов ехать куда угодно, хоть на кладбище. Чудным образом я очутился в каких-то московских двориках, в машине с двумя очень энергичными, веселыми и здоровыми ребятами. То и дело я выползал на улицу, чтобы покурить, а также разводил их на выпивку.

Наконец в машину залез какой-то интеллигентный дедок с седой бородкой, и машина тронулась с места. По дороге они купили нам по маленькой баночке дешевого пива.

А дальше началась совсем другая история, о которой я и хочу рассказать.

ГЛАВА 1

Начало

Надоели друганы?! Вымогатели, жида.
Я про них про всех забуду,
На вершине жить я буду.
Я не буду моросить
И табличку чувств носить.

Очнулся я на первом этаже деревянной самодельной двухъярусной кровати. Состояние было такое, как будто меня купали в соляной кислоте, а потом били, а потом опять купали и били. Кто-то говорил, что я вообще не выживу.

Помню этот день короткими вспышками — врача с капельницей, какие-то лица, бородатого мужика, туалет с оранжевой плиткой. И так продолжалось еще около двух дней. Кто-то должен был постоянно находиться со мной *на под-*

держке (так это там называлось) во избежание неприятностей, чтобы я не упал, не разбился, не вскрыл себе вены или не спрыгнул с балкона на перекуре. Примечательно, что все там постоянно курили, раз по пятнадцать в день.

В пятницу (а привезли меня в среду 9 июня) со мной на поддержке находился все тот же бородастый мужик. Я узнал, что его зовут Саша Ж. Меня сразу же смутила добавленная зачем-то к имени буква. На самом деле, здесь к имени часто добавлялась первая буква от фамилии — для иллюзии анонимности, а также во избежание путаницы, потому как людей с одинаковыми именами могло быть до семи-восьми человек.

В 8:00, после подъема, мы пошли с ним на *чайхану* — так там называлось утреннее чаепитие с одной конфетой или печеньем. Хотя вообще-то по утрам все пили не чай, а кофе.

Столовая, где проходила чайхана, была ужасна: черные натяжные потолки, обшарпанные стены с наклеенными на них сиреневыми обоями, люстры, в которых не горело 70% лампочек, и вид из окна на какой-то старый автохлам. Я понял, что это реабилитационный центр.

Раньше я уже был в реабилитации, в Подмошкowie, откуда сбежал через два месяца. А потом

попал туда снова через три недели и задержался еще на три с половиной месяца.

Но это был Брянск.

А потом был завтрак, обед и ужин — это кошмар! Для человека, который «провел на кухне» сорок лет, тамошняя еда была просто кулинарным преступлением. На завтрак каша, два тончайших кусочка дешевой вареной колбасы, кусочек пластикового колбасного сыра и пластик комбиджира, который все называли маслом. На обед отвратительный суп из одной курицы на 50 человек и большая сиреневая пластиковая миска с мерзким салатом — на четверых, а то и на пятерых. Еще разносили лоток с дополнительным хлебом, на который все слетались, как голуби на пшено. В субботу был самый изысканный в своей мерзости салат из тертой соевой вареной колбасы, колбасного сыра и майонеза.

РЕЦЕПТ

3 кг дешманской вареной колбасы
2 кг пластикового колбасного сыра
головка чеснока
750-граммовая пачка майонеза
3—5 помидоров

Не передать словами этого мерзкого вкуса, не описать, на что была похожа эта субстанция. Сразу возник вопрос: «Какому кулинарному „гению“ пришло в голову тереть вареную колбасу на терке?» Салат этот напоминал паштет из дождевых червячков в майонезном соусе. С этого салата и началась моя борьба с этой системой.

В столовой меня посадили за самый непрестижный стол, который находился между двумя стенками. Перекладина для шторки говорила, что раньше там был VIP-кабинет. Такой своеобразный грот в столовой.

Нужно добавить, что раньше в этом здании находилась то ли база отдыха, то ли бордель, слухи ходили разные. По степени износа здания можно было понять, что ему лет шестьдесят, поэтому оно и разваливалось.

Вообще-то дом был громадный и длинный. Это был не обычный коттедж, которые снимают предприимчивые граждане для аналогичных нужд в Подмосковье. Это было очень похоже на базу отдыха советского типа. На втором этаже было два больших зала — групповая и столовая, — соединенных длинным коридором с дверями по обе стороны, ведущими в комнаты

реабилитантов и консультантскую. На первом располагались кухня, баня, такой же коридор и такие же комнаты, где проживали дедушки, бабушки, ночевали консультанты, и комнаты для хозяйственных нужд.

Так вот, посадили меня в грот. На улице в тот момент стояло лето, июнь — в Брянске в июне бывает до +35 градусов. Помещение не проветривалось, так как все двери и окна были закупорены во избежание побега, так что в столовой за обедом температура ощущалась на все +50 градусов. Поэтому после тарелки горячего супа я вылезал из-за стола мокрый насквозь — будто принял душ прямо в одежде.

Первый месяц я почти не ел, не брал добавку и даже дополнительную пайку хлеба не получал, так как кухня была ужасна, да и аппетита совсем не было.

ГЛАВА 2

Первые дни

Сатана не вспомнит, как дотлел бычок,
У скрипки Страдивари сломан был смычок,
В панике трясется конченный торчок,
Что за дурачина прикручивал крючок?

Первые дни я находился на «поддержке» с Сашей Ж. Ему было 54 года, он был лет на десять старше меня. Невысокого роста, с карими колючими глазками, коротко стриженный и с бородой, как у моджахеда. На тот момент он находился в Центре около полугода и сам не знал, на сколько ему еще придется задержаться в этой богадельне.

Сарказму и иронии его не было предела. Практически на все мои недовольства он отвечал фразой: «А не надо было бухать!» Тогда я не придавал значения этим словам, но потом по-

нял весь их волшебный смысл. Практически на все претензии резидентов можно было отвечать этой универсальной фразой.

Перекур отменили — «Не надо было бухать, и курил бы дома в свое удовольствие».

Воду отключили — «Не надо было бухать, и мылся бы дома, сколько хочешь».

Полотенца воняют после стирки — «Не надо было бухать, и полотенца были бы чистенькие и пахли бы свежестью».

Звонка домой лишили — «Не надо было бухать».

Уборка два раза в день — то же самое.

В общем, сидели мы с Сашей Ж. дней девять в комнате, выходя только на перекуры и приемы пищи, поэтому другого варианта, кроме как стать с ним друзьями, у меня не было. В эти дни мы говорили обо всем. Я рассказывал про старую реабилитацию, жаловался на еду, да и вообще вспоминал разные моменты своей жизни. Он тоже рассказывал о себе. Про небольшой строительный бизнес, про инсульт, про яркие путешествия, про свою гражданскую жену и гражданскую дочь, которые и заказали его в реабилитацию. Жену он так и называл — «заказ».

Нужно сказать, что я ему стал доверять, как никому другому, и, как оказалось, не зря.

По вечерам, где-то после семи, к нам в комнату заходил какой-то странный, но очень колоритный тип. Его звали Серега С.

Серега С. был панком. Настоящим панком. Он любил выпить, уколаться героином, концерты панковской музыки, работать руками, и еще он любил свою жену с библейским именем Ева. По всему телу, кроме лица, у него были татуировки, только не тюремные, а разноцветные и прикольные. А в ушах у него были дырки, в которые были засунуты кольца-тоннели.

Любимым словом Сереги было слово «блевань». Причем этим словом он мог выразить как неудовольствие, так и восхищение. Зависело от интонации и ситуации. Например, когда играла дурацкая музыка, он мог сморщить лицо и коротко отрезать: «блевань». Или, когда попадалось что-то вкусное, мог произнести одобрительно-загадочно: «Ох, какая блевань».

Серега постоянно приносил журнал, в котором каждый должен был расписаться и подтвердить, что он здесь добровольно. Парень он был веселый и очень заразительно и громко ржал. В Центре он находился около полугода